

СПРАВЕДЛИВОСТЬ ПРИГОВОРА СУДА

В. Н. БИБИЛО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Справедливость приговора суда обеспечивается взаимодействием социальных регуляторов правосудия по уголовным делам и зависит от двух факторов, один из которых – законодательство, а другой – усмотрение судьи. Справедливость процедуры рассмотрения уголовного дела создает условия для вынесения справедливого приговора. Справедливость приговора основывается на установлении юридической истины.

Ключевые слова: право; суд; приговор суда; справедливость; принципы права; мораль; государство.

JUSTICE OF THE COURT SENTENCE

V. N. BIBILO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Justice of the court sentence is provided by the interaction of the social regulators of justice on criminal cases and depends on two factors, one of which is legislation, and the other is discretion of judge. Justice of the criminal procedure creates conditions for the fair sentence. Justice of the sentence is based on establishment of the legal truth.

Keywords: law; court; court sentence; justice; principles of law; morality; state.

Вопросы справедливости волновали человечество на протяжении всей его истории. Без преувеличения можно сказать, что справедливость как нравственный императив действует практически во всех сферах жизнедеятельности людей и привлекает внимание специалистов различных сфер знания. Идея справедливости получила отображение в теории и практике юридической деятельности, проявляясь в государственной и общественной жизни. Для каждого индивида содержание справедливости складывается из того, какие ценности для него значимы. Как философское, этическое, правовое и в конечном счете аксиологическое понятие, справедливость имеет множество определений. Магистральной линией справедливости является требование соответствия между практической ролью человека в жизни социума и воздаянием общества

за его деятельность. Как правильно утверждает А. И. Экимов, «справедливость выступает как своего рода отражение многообразных интересов, поэтому представления о ней столь же изменчивы, как и представления об интересах» [1, с. 51]. Стремление к справедливости прослеживается на протяжении всей истории человечества, поскольку обусловлено самой природой человека. Однако для каждой эпохи общественные отношения людей оцениваются как справедливые в той мере, в какой они исторически необходимы и практически возможны соотносительно условиям жизни людей.

Постепенно представления о справедливости вовлекались в сферу правового регулирования. Памятники права донесли до наших дней стремление законодателей к справедливости. Гегель отмечал: «Правители, которые, подобно Юстиниану, дали своему

Образец цитирования:

Бибилло В.Н. Справедливость приговора суда. Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2019; 3:73–79.

For citation:

Bibilo VN. Justice of the court sentence. *Journal of the Belarusian State University. Law*. 2019;3:73–79. Russian.

Автор:

Валентина Николаевна Бибилло – доктор юридических наук, профессор; профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета.

Author:

Valentina N. Bibilo, doctor of science (law), full professor; professor at the department of criminal procedure and directorate of public prosecutions, faculty of law.
zagorovskaja@bsu.by

народу... собрание законов... не только стали величайшими благодетелями народов и с благодарностью восхвалялись ими, но и совершили этим великий акт справедливости» [2, с. 253]. В религиозных текстах также уделяется значительное внимание идеям справедливости, особенно в отношении правосудия.

Основополагающее понимание справедливости заложил Аристотель: «Понятие “справедливость” означает в одно и то же время как законное, так и равномерное» [3, с. 246]. Все, что установлено законом, в известном смысле справедливо, ибо все, что заложено мудрым законодателем, законно, и каждое отдельное его постановление справедливо. Следовательно, нарушение законов – это первый вид несправедливости. Саму же справедливость Аристотель разделял на два вида: справедливость, относящуюся к области права, и справедливость специальную, проявляющуюся в уравнивании того, что составляет предмет обмена [3, с. 247–255].

Х. Перельман, развивая идеи Аристотеля, для лучшего понимания идеи справедливости предложил изучать ее на трех различных уровнях: поступка, правила, деятеля. «Справедливый поступок – это исправление, отрицание неравенства. Справедливое правило – это разумность, отрицание произвола. Справедливый человек – это совесть, отрицание бесчеловечности» [4, с. 224].

Справедливость по своей природе носит объективно-субъективный характер. Объективный, поскольку, как отмечает О. Хеффе, реализуется в социуме посредством совместных усилий государства и гражданского общества. При этом позитивный государственный правопорядок легитимен лишь субсидиарно, т. е. необходим, но не первичен по отношению к справедливости [5, с. 152–153]. «Главный субъект справедливости, – пишет Д. Ролз, – базисная структура общества» [6, с. 22]. Субъективность справедливости проявляется в том, что она не может быть универсальной, так как разнообразна по сути. Д. Ролз предлагает рассматривать справедливость в аспекте честности: «Справедливость как честность является единственной доктриной, которая естественным образом может истолковать чувство справедливости» [6, с. 415].

Несмотря на объективно-субъективную природу справедливости, она базируется на установлении истины. По мнению Гегеля, «справедливость, как и истина, отсутствует, если все рассматривается только с субъективной точки зрения» [2, с. 413]. В этом смысле разрешение между людьми конфликтов, особенно уголовно-правовых, основанное на чисто договорных отношениях, пропускающее установление истины, нельзя назвать справедливым. Необходимо иметь в виду установление именно юридической истины [7, с. 255–260], основанной, безусловно, на философском ее понимании. В уголовном процессе это установление обстоя-

тельств совершенного преступления (ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь 1999 г., далее – УПК), т. е. предмета доказывания.

Справедливость имеет две стороны: одна исходит от общества, государства и проявляется в законодательстве, а вторая – от человека, правоприменителя и основывается не только на законодательстве, но и собственном усмотрении правоприменителя, его правосознании, морали, обычаях и традициях, т. е. социальных нормах, присущих обществу на соответствующем этапе его развития и усвоенных человеком. Соответственно, справедливость является одновременно и правовой, и этической категорией, что не отрицает возможности их отдельного рассмотрения.

Раскрывая позицию чистого учения о праве, Г. Кельзен стремился доказать, что «нет и не может быть объективного критерия справедливости, потому что утверждение о том, что нечто справедливо или несправедливо, является оценочным суждением... отсылающим к конечной цели, а такие оценочные суждения по самой своей природе субъективны по характеру, потому что основаны на эмоциональных элементах нашего сознания, на наших переживаниях... и желаниях. Они не могут быть верифицированы фактами... это главным образом акты предпочтения» [8, с. 233–234]. Это действительно так, поскольку представления о справедливости у каждого субъекта свои, и именно на данном этапе подключается второй элемент справедливости – нравственный. Правдивость, бескорыстие, доброжелательность, беспристрастность, по мнению З. А. Бербешкиной, обеспечивают именно первичность нравственной стороны [9, с. 85, 125].

Ввиду значимости понятия «справедливость» возникает вопрос о его категориальной принадлежности. Распространено мнение, что справедливость является принципом права [10, с. 15–19; 11, с. 47–64; 12, с. 13; 13, с. 17–18], а В. К. Бабаев возводит справедливость в ранг генерального принципа, от которого исходят другие принципы права [14, с. 128–132]. Л. М. Аширова пишет: «Справедливость является одной из важнейших категорий теории государства и права, имеет статус общеправового принципа, что дает нам основание для рассмотрения справедливости как принципа уголовного процесса» [15, с. 32]. Наиболее широкое понимание справедливости предлагает О. В. Гладышева, утверждая, что «справедливость является конструктивной целью уголовного судопроизводства, выполняет функцию системообразующего фактора, в соответствии с содержанием которого формируется вся система уголовно-процессуального регулирования, начиная с совокупности принципов, а также осуществляется процесс правоприменения» [16, с. 25]. О. Э. Лейст не относит справедливость ни к какому виду принципов права, аргументируя это отсутствием ее нормативности и точных границ [17, с. 170].

Как уже отмечалось, справедливость и правосудие неотделимы друг от друга. Если при осуществлении правосудия нет справедливости, то можно констатировать, что не было и законного правосудия. В связи с этим возникает вопрос: можно ли отнести справедливость к принципам правосудия?

Правосудие – это функция суда. Для ее реализации суды должны быть наделены компетенцией (полномочиями, предоставленными законом суду). Компетенция суда проявляется в его деятельности, в связи с чем можно говорить о принципах именно правосудия.

Правосудие осуществляется на основе принципов. Органы законодательной власти не создают принципов правосудия, а открывают уже существующие. Но принципам правосудия присуща и некоторая субъективность, поскольку они формулируются людьми и закрепляются в нормативных правовых актах. Принципами правосудия являются основные правовые положения, выражающие природу и сущность правосудия, сформулированные в нормативных правовых актах в виде норм-принципов или вытекающие из системы конкретных правовых норм. Можно назвать два способа фиксирования принципов правосудия: 1) описание содержания принципа в норме-принципе и дальнейшая его детализация в конкретных нормах; 2) включение в текст конкретных правовых норм описания отдельных сторон принципа. При закреплении принципов правосудия в законах приемы юридической техники имеют второстепенное значение. Важно, чтобы нормы права были адекватны по своей сути принципам правосудия как объективному явлению. Предпочтительнее, однако, использовать такой подход: общие свойства принципа правосудия отображать в норме-принципе, а его содержание определять в конкретных нормах права. Нормы-принципы образуют границы действия принципов и тем самым отвечают требованиям их логической независимости друг от друга [18, с. 46–47].

Справедливость, как социальный феномен, воздействует на правосудие прежде всего через правовые нормы. Сам факт наличия уголовно-процессуальных норм, регулирующих статус участников уголовного процесса при расследовании и рассмотрении уголовных дел, свидетельствует о стремлении государства установить истину по уголовному делу, сбалансировав при этом интересы государства и личности. Справедливость по своей природе является общесоциальным принципом [19, с. 39], действующим в различных сферах жизни общества. В зависимости от ситуации может превалировать ее правовой либо этический аспект, поскольку именно право и нравственность в большей мере, чем другие социальные регуляторы, обеспечивают эволюционное развитие общества.

У каждого участника уголовного процесса свои представления о справедливости. В их основе ле-

жат преследуемые в ходе уголовно-процессуальной деятельности интересы. Государственным органам и должностным лицам, осуществляющим обвинительную функцию, присуще превалирование государственных интересов. В свою очередь, деятельность адвоката в качестве защитника направлена на реализацию частных, личных интересов обвиняемого. Потерпевший и обвиняемый, как конфликтующие стороны, имеют противоположные интересы. Их деятельность подчинена отстаиванию этих интересов. Представления о справедливости, корнящиеся в сознании человека, не всегда будут совпадать с его интересами, и их противостояние, как правило, завершается в пользу интересов. Суд в ходе правоприменительной деятельности должен учитывать интересы общества и конкретных субъектов права. Законодатель, конструируя уголовно-процессуальные нормы, заботится о балансе интересов общества, личности, в том числе конфликтующих сторон, наделяя их соответствующим статусом. В результате оказывается, что справедливость в правосудии формируется как результат соотношения между самими интересами. Там, где нет интересов, спора о справедливости не возникает. Конечно, интересы бывают самые разнообразные: экономические, политические, духовные, правовые, но все они аккумулируются в общесоциальных интересах, характеризующих конкретную историческую эпоху. Вместе с тем именно представления о справедливости, лежащие в сфере сознания человека, не зависят от уровня развития общества, т. е. имеют одинаковое значение для людей во все времена. Отсюда – следующая аксиома: «Право должно соответствовать справедливости». Имеется в виду «чистое право», отображенное в законодательстве и проявляющееся в равенстве, эквивалентности прав субъектов. Однако в деятельности людей, их поступках происходит конкретизация официального, исходящего от государства права, по крайней мере в рамках относительно определенных норм, содержащих резерв для усмотрения правоприменителя, когда к правовым нормам подключаются еще иные социальные нормы, например нормы нравственности.

Стоит принять во внимание, что при осуществлении правосудия спорят не только о приоритете интересов, но также и о том, какие у сторон представления о справедливости. Особенно наглядно это проявляется в судебных прениях.

По результатам рассмотрения уголовного дела в стадии судебного разбирательства суд выносит приговор, в котором содержатся судебные решения уголовно-процессуального и уголовно-правового характера, а по многим делам также гражданско-правовые в уголовном процессе, связанные с возмещением причиненного совершенным преступлением вреда.

Наряду с законностью, обоснованностью и мотивированностью приговор должен отвечать требова-

нию справедливости. УПК устанавливает: «Приговор должен быть справедливым. Приговор признается справедливым, если наказание, назначенное виновному, определено в соответствии со статьей... предусматривающей ответственность за совершенное преступление, и с учетом его личности. Каждый невиновный подлежит оправданию» (ч. 4 ст. 350). В Уголовно-процессуальном кодексе БССР 1961 г. о справедливости приговора не упоминалось. В юридической литературе второй половины XX в. обсуждался вопрос о справедливости приговора как о его важнейшем атрибуте. Одни авторы связывали справедливость приговора только со справедливостью уголовного наказания [20, с. 325; 21, с. 7], другие также указывали, что в основе справедливости лежит законность и обоснованность приговора [22, с. 31; 23, с. 141]. В современной юридической литературе и практике не отвергается значимость этих положений, но предлагаются уточнения по двум направлениям: 1) процедурная справедливость, т. е. судебное разбирательство должно быть справедливым; 2) судебные решения, содержащиеся в приговоре, должны быть справедливы. О необходимости процессуальной (процедурной) судебной справедливости говорится в Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. Предложенные стандарты справедливого судебного разбирательства изложены в ст. 6 этого документа. Например, к ним относятся следующие положения: публичное разбирательство дела в разумный срок беспристрастным судом; презумпция невиновности; право обвиняемого быть уведомленным на понятном ему языке, в чем он обвиняется; право иметь возможность для подготовки своей защиты; право иметь защитника; право пользоваться бесплатной помощью переводчика и т. п. УПК подвергает детальному правовому регулированию деятельность всех участников стадии судебного разбирательства. Соблюдением норм УПК, надо полагать, будет заложена основа для справедливого приговора.

Исследуя свойства судебных решений в российском уголовном процессе, М. В. Беляев пишет: «Материальный (уголовно-правовой) аспект справедливости означает справедливость вынесенного решения, а процессуальный аспект справедливости представляет собой определенный стандарт, призванный обеспечить принятие справедливого решения по делу» [24, с. 151]. И. П. Попова уточнила: «В процессуальном смысле справедливость приговора связана со справедливостью самой процедуры уголовного судопроизводства, что обеспечивает справедливость приговора как результата справедливой деятельности, и такое понятие справедливости применимо ко всем процессуальным решениям» [25, с. 14].

Процессуальная справедливость создает условия для справедливого приговора, являясь своего рода ее результатом. П. А. Лупинская рассматривала справедливость решения суда в качестве нрав-

ственной оценки обоснованности [23, с. 139–140]. Следует конкретизировать: не только обоснованность, но еще в большей степени мотивированность приговора, хотя обоснованность гарантирует его справедливость. Обоснованность приговора включает в себя следующие элементы: 1) выявление судом обстоятельств, имеющих значение для установления юридической истины; 2) оценка доказательств, исходящая из внутреннего убеждения судей, основанного на всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств уголовного дела; 3) аксиологическая оценка выявленных обстоятельств дела для выяснения их приемлемости для выводов по уголовному делу. Суть обоснованности приговора – установление истины по рассматриваемому делу, в чем заинтересован прежде всего суд, который должен максимально использовать свои познавательные возможности для установления обстоятельств совершенного преступления. Однако этого еще недостаточно: из истинно установленных утверждений необходимо выбрать те, которые приемлемы из аксиологических соображений. Не все из истинно установленных обстоятельств будут иметь ценность для каждой из сторон и, конечно, для суда. У суда должно сложиться внутреннее убеждение о приемлемости тех или иных соображений, основанных на истинно (действительно) установленных фактах. Мотивированность приговора – своего рода продолжение его обоснованности. Мотив, как повод для деятельности, имеет свои функции, одной из которых является целеполагание (постановка цели). Цель судебной уголовно-процессуальной деятельности – вынести приговор в соответствии с УПК. При этом суд оценивает варианты возможного решения, сопоставляя их с перспективной целью – постановлением справедливого приговора, в котором зафиксированы оптимальные решения по уголовному делу.

В УПК следует установить такой порядок рассмотрения уголовного дела, благодаря которому обеспечивались бы законность, обоснованность и мотивированность приговора суда как основа его справедливости. М. В. Беляев пришел к выводу, что «суть проблемы заключается в ответе на вопрос о том, что является приоритетным при производстве по уголовному делу: факты или процедура» [24, с. 141]. По его мнению, вопрос о справедливости приговора вытекает из типологии уголовного процесса. В англосаксонской модели приоритет принадлежит процедуре рассмотрения уголовного дела, а в континентальной – вопросам уголовно-правового характера, т. е. факту преступления [24, с. 141]. Явления глобализации, происходящие в современном мире, хотя в какой-то мере и сближают оба типа уголовного процесса, но различие остается весьма существенным, что проявляется в том числе в вопросах признания приговора несправедливым при апелляционном рассмотрении уголовного дела.

Между ч. 4 ст. 350 УПК, определяющей понятие справедливости приговора, и п. 3, 4 ч. 1 ст. 389 УПК, а также ст. 393 УПК, регламентирующими основания для отмены или изменения приговора в апелляционной инстанции, прослеживается соответствующая корреляция. В названных правовых нормах речь идет о том, в каких случаях наказание следует признать несправедливым. В свою очередь, в ч. 1 ст. 62 Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 г. (далее – УК) сказано: «При назначении наказания суд исходит из принципа индивидуализации наказания, то есть учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, мотивы и цели содеянного, личность виновного, характер нанесенного вреда и размер причиненного ущерба, дохода, полученного преступным путем, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность, мнение потерпевшего по делам частного обвинения, мотивируя избранную меру наказания в приговоре». Из этого следует, что при соблюдении таких параметров наказание, назначенное судом, является справедливым. Та же идея заложена в ст. 393 УПК, но с учетом того, в каких случаях наказание является несправедливым: «Не соответствующими тяжести преступления и личности обвиняемого признаются наказание и иные меры уголовной ответственности, когда назначенное судом первой инстанции наказание хотя и не выходит за пределы, предусмотренные соответствующим уголовным законом, но по своему виду, сроку, размеру, а иные меры уголовной ответственности... по своему профилактическому, исправительному и испытательному воздействию являются явно несправедливыми как вследствие мягкости, так и вследствие строгости». В основе признания приговора несправедливым лежит ст. 392 УПК «Неправильное применение уголовного закона». Несоблюдение норм УК, безусловно, сказывается на качестве приговора, особенно той его части, которая касается наказания и иных мер уголовной ответственности.

Для обвиняемого и потерпевшего как конфликтующих сторон, имеющих, как правило, противоположные интересы, главным фактором является справедливость наказания в их понимании. В судебной практике распространены случаи, когда у потерпевшего суд выясняет его мнение в отношении наказания обвиняемому по делам публичного и частно-публичного обвинения, а не только по делам частного обвинения, как это сказано в ч. 1 ст. 62 УК. В отношении наказания и иных мер уголовной ответственности высказывают свое мнение также прокурор и адвокат (защитник обвиняемого). Суд при назначении наказания исходит из своего понимания справедливости, учитывая при этом частные (личные) интересы конфликтующих сторон. Публичные интересы, заложенные в законодательстве, детализируются. Главное, чтобы суд не вышел

за пределы законодательства. Суд не обсуждает вопросы криминализации или декриминализации деяния, санкций уголовно-правовых норм, что при соблюдении соответствующей процедуры может быть предметом рассмотрения конституционного суда. За исходное суд берет действующее законодательство независимо от его состояния.

Соблюдение законодательства образует один пласт справедливости приговора. В дополнение к нему прибавляется еще нравственный аспект, а точнее комплекс социальных регуляторов, который В. В. Ершов именует «неправом», отмечая: «Думаю, теоретически более обоснованно, а практически – продуктивно к “неправу” прежде всего относить многочисленные социальные регуляторы общественных отношений, воздействующие на отношения, сложившиеся между неопределенным числом их участников либо определенными участниками общественных отношений» [26, с. 92–93]. Подобного рода социальные регуляторы не являются официальным правом, исходящим от государства и распространяющим свое действие на неопределенный круг лиц, но применительно к правосудию, когда возникают конкретные правоотношения между судом и участниками уголовного судопроизводства, заинтересованными в исходе уголовного дела, суд устанавливает в приговоре их индивидуальное право. К тому же надо учитывать, что исключительно нравственные отношения, без сочетания с другими социальными регуляторами, имеют довольно узкую сферу проявления, например доброжелательность, бескорыстность и т. п. Если принять во внимание тот факт, что судья привносит свое индивидуальное сознание и прежде всего правосознание в специфику принимаемых решений, то может сложиться впечатление, будто нравственный аспект справедливости приговора заслоняет собой его правовую сторону и, наоборот, превалирует право, а другие социальные регуляторы незаметны. Следовательно, ошибочно полагать, что справедливость приговора имеет только правовую либо только нравственную природу. В реальности их сочетание неизбежно. Другое дело – судебные решения, касающиеся судьбы вещественных доказательств, процессуальных издержек и других решений, подробно урегулированных УПК, когда суд не вправе выйти за пределы правовых норм. Такого рода решения носят абсолютно определенный характер, и их справедливость обеспечивается правом. Другие социальные регуляторы либо вообще не подключаются, либо имеют незначительное воздействие, больше связанное с удовлетворением либо отказом в удовлетворении ходатайств.

Нельзя сказать, что вопросы достижения процедурной справедливости судебного разбирательства остались без правового регулирования. Как раз именно заключительная часть «Постановление приговора» (гл. 38) стадии судебного разбирательства

по сравнению с другими стадиями уголовного процесса в наибольшей мере детализирована в УПК. В ней достаточно обстоятельно изложены вопросы структуры и содержания приговора, являющегося письменным судебным актом, в котором подводятся итоги стадии судебного разбирательства.

Процедурная справедливость стадии судебного разбирательства также может быть объектом рассмотрения суда апелляционной инстанции. В УПК определено, какие нарушения уголовно-процессуального закона являются существенными (п. 2 ч. 1 ст. 389 и 391 УПК). Их анализ приводит к выводу, что они касаются процедуры рассмотрения уголовного дела в стадии судебного разбирательства.

Таким образом, справедливость имеет правовую и этическую сторону. Правовая сторона обеспечивает формальное равенство, которое не во всех слу-

чаях гарантирует справедливость приговора, даже при очень детальном правовом урегулировании процедуры рассмотрения судом уголовного дела. Кроме правовых, суд использует также иные социальные нормы, среди которых основополагающее значение имеют нормы нравственности. Значение процессуальной (процедурной) справедливости нельзя преуменьшать, поскольку форма судебного разбирательства (процедура, порядок, процесс) предполагает наличие (заполнение) содержания. Основная цель суда – реализация прав и законных интересов всех участвующих в уголовном деле лиц, которая обеспечит всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств, подлежащих доказыванию, и сформирует внутреннее убеждение судей, необходимое для вынесения справедливого приговора.

Библиографические ссылки

1. Экимов АИ. Право в контексте справедливости: к методологии исследования. *Правоведение*. 2013;2:51–61.
2. Гегель Г. *Философия права*. Москва: Мысль; 1990. 524 с.
3. Аристотель. *Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории*. Минск: Литература; 1998. 1391 с.
4. Перельман Х. Три аспекта справедливости. *Правоведение*. 2013;2:211–225.
5. Хеффе О. *Справедливость*. Кильдюшов ОВ, переводчик. Москва: Праксис; 2007. 192 с.
6. Ролз Д. *Теория справедливости*. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета; 1995. 536 с.
7. Бибило ВН. Достижение истины в уголовном процессе. В: Павлов ВИ, Савенок АЛ, редакторы. *Человек и право: проблема ценностных оснований правового регулирования*. Минск: Академия МВД; 2019. с. 255–260.
8. Кельзен Г. Право, государство и справедливость в чистом учении о праве. *Правоведение*. 2013;2:226–240.
9. Бербешикина ЗА. *Справедливость как социально-философская категория*. Москва: Мысль; 1983. 204 с.
10. Паутов А. Реализация принципа справедливости в судебной практике. *Судовы веснік*. 2019;2:15–19.
11. Данилюк СЕ. Справедливость как конституционно-правовая категория. *Веснік Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь*. 2019;1:47–64.
12. Пресняков МВ. *Конституционный принцип справедливости: юридическая природа и нормативное содержание* [автореферат диссертации]. Саратов: Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского; 2010. 45 с.
13. Шкрёдова ЭГ, Муллахметова НЕ, Маганкова АА. *Принцип справедливости: теория и практика применения судами при рассмотрении уголовных дел*. Москва: Юрлитинформ; 2016. 168 с.
14. Бабаев ВК, редактор. *Общая теория права*. Нижний Новгород: ВШ МВД РФ; 1993. 544 с.
15. Аширова ЛМ. *Проблемы реализации принципа справедливости в уголовном процессе*. Москва: Юрлитинформ; 2007. 256 с.
16. Гладышева ОВ. *Справедливость и законность в уголовном судопроизводстве Российской Федерации* [автореферат диссертации]. Краснодар: Кубанский государственный университет; 2009. 45 с.
17. Лейст ОЭ. *Сущность права. Проблемы теории и философии права*. Москва: Зерцало; 2002. 288 с.
18. Бибило ВН. *Белорусское судостроительство*. Минск: Право и экономика; 2018. 452 с.
19. Бибило ВН. *Конституционные принципы правосудия и их реализация в стадии исполнения приговора*. Минск: Университетское; 1986. 160 с.
20. Строгович МС. *Курс советского уголовного процесса. Том 1*. Москва: Наука; 1968. 468 с.
21. Мирецкий СГ. *Приговор суда*. Москва: Юридическая литература; 1989. 112 с.
22. Дорохов ВЯ, Николаев ВС. *Обоснованность приговора в советском уголовном процессе*. Москва: Госюриздат; 1959. 236 с.
23. Лупинская ПА. *Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание, формы*. Москва: Юридическая литература; 1976. 168 с.
24. Беляев МВ. *Свойства судебных решений в российском уголовном процессе*. Москва: Юрлитинформ; 2018. 184 с.
25. Попова ИП. *Обвинительный приговор без назначения наказания в российском уголовном судопроизводстве: сущность, основания и порядок постановления* [автореферат диссертации]. Томск: [б. и.]; 2018. 23 с.
26. Ершов ВВ. *Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений*. Москва: РГУП; 2018. 628 с.

References

1. Ekimov AI. [Law in the context of justice: toward a research methodology]. *Pravovedenie*. 2013;2:51–61. Russian.
2. Hegel G. *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow: Mysl'; 1990. 524 p. Russian.
3. Aristotle. *Etika. Politika. Ritorika. Poetika. Kategorii* [Ethics. Politics. Rhetoric. Poetics. Categories]. Minsk: Literatura; 1998. 1391 p. Russian.
4. Perelman H. [Three aspects of justice]. *Pravovedenie*. 2013;2:211–225. Russian.

5. Heffe O. *Spravedlivost'* [Justice]. Kildyushov OV, translator. Moscow: Praxis; 2007. 192 p. Russian.
6. Rawls D. *Teoriya spravedlivosti* [Theory of justice]. Novosibirsk: Publishing House of Novosibirsk University; 1995. 536 p. Russian.
7. Bibilo VN. [Discovering the truth in criminal procedure]. In: Pavlov VI, Savenok AL, editors. *Chelovek i pravo: problema tsennostnykh osnovanii pravovogo regulirovaniya* [Man and law: the problem of value bases of legal regulation]. Minsk: The Academy of the Interior Ministry; 2019. p. 255–260. Russian.
8. Kelsen G. [Law, state and justice in the pure theory of law]. *Pravovedenie*. 2013;2:226–240. Russian.
9. Berbeshkina ZA. *Spravedlivost' kak sotsial'no-filosofskaya kategoriya* [Justice as a socio-philosophical category]. Moscow: Mysl'; 1983. 204 p. Russian.
10. Pautov A. [Implementation of the principle of justice in judicial practice]. *Sudovy vesnik*. 2019;2:15–19. Russian.
11. Danilyuk SE. [Justice as a constitutional and legal category]. *Vesnik Kanstytucyjnaga Suda Rjespubliki Belarus'*. 2019;1:47–64. Russian.
12. Presnyakov MV. *Konstitutsionnyi printsip spravedlivosti: yuridicheskaya priroda i normativnoe sodержanie* [Constitutional principle of justice: legal nature and normative content] [dissertation abstract]. Saratov: Saratov State University; 2010. 45 p. Russian.
13. Shkredova EG, Mullahmetova NE, Magankova AA. *Printsip spravedlivosti: teoriya i praktika primeneniya sudami pri rassmotrenii ugolovnykh del* [The principle of justice: theory and practice of application by the courts in criminal cases]. Moscow: Yurlitinform; 2016. 168 p. Russian.
14. Babaev VK, editor. *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. Nizhny Novgorod: Higher School of Internal Affairs of the Russian Federation; 1993. 544 p. Russian.
15. Ashirova LM. *Problemy realizatsii printsiipa spravedlivosti v ugolovnom protsesse* [Problems of implementing the principle of justice in criminal proceedings]. Moscow: Yurlitinform; 2007. 256 p. Russian.
16. Gladysheva OV. *Spravedlivost' i zakonnost' v ugolovnom sudoproizvodstve Rossiiskoi Federatsii* [Justice and legality in criminal proceedings of the Russian Federation] [dissertation abstract]. Krasnodar: Kuban State University; 2009. 45 p. Russian.
17. Leist OE. *Sushchnost' prava. Problemy teorii i filosofii prava* [Essence of law. Problems of theory and philosophy of law]. Moscow: Zertsalo; 2002. 288 p. Russian.
18. Bibilo VN. *Belorusskoe sudoustroistvo* [Belarusian court system]. Minsk: Pravo i ekonomika; 2018. 452 p. Russian.
19. Bibilo VN. *Konstitutsionnye printsipy pravosudiya i ikh realizatsiya v stadii ispolneniya prigovora* [Constitutional principles of justice and their implementation at the execution stage]. Minsk: Universitetskoe; 1986. 160 p. Russian.
20. Strogovich MS. *Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa. Tom 1* [Course in Soviet criminal proceedings. Volume 1]. Moscow: Nauka; 1968. 468 p. Russian.
21. Miretskii SG. *Prigovor suda* [Court judgement]. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1989. 112 p. Russian.
22. Dorokhov VYa, Nikolaev VS. *Obosnovannost' prigovora v sovetskom ugolovnom protsesse* [Validity of the sentence in the Soviet criminal proceedings]. Moscow: Gosyurizdat; 1959. 236 p. Russian.
23. Lupinskaya PA. *Resheniya v ugolovnom sudoproizvodstve. Ikh vidy, sodержanie, formy* [Decisions in criminal proceedings. Their types, content, forms]. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1976. 168 p. Russian.
24. Belyaev MV. *Svoistva sudebnykh reshenii v rossiiskom ugolovnom protsesse* [Features of court judgements in the Russian criminal proceedings]. Moscow: Yurlitinform; 2018. 184 p. Russian.
25. Popova IP. *Obvinitel'nyi prigovor bez naznacheniya nakazaniya v rossiiskom ugolovnom sudoproizvodstve: sushchnost', osnovaniya i poryadok postanovleniya* [Conviction without sentence in Russian criminal proceedings: essence, grounds and procedure of decision] [dissertation abstract]. Tomsk: [s. n.]; 2018. 23 p. Russian.
26. Ershov VV. *Pravovoe i individual'noe regulirovanie obshchestvennykh otnoshenii* [Legal and individual regulation of public relations]. Moscow: Russian State University of Justice; 2018. 628 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 05.11.2019.
Received by editorial board 05.11.2019.